

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОБЕДЫ, ОПАСНОСТЬ ПОРАЖЕНИЯ

—О человек, что ты пишешь?—
—Дрожит карандаш в твоей руке;
—Смерть ожидает тебя на пороге

—

—Лежал бы спокойно в постели.
—Смерть мне не страшна,
—Не перестану я писать.
—Использував последние силы,
— Пишу песни о жизни.

(«О человек, что ты пишешь?..»)

Эти строки, напечатанные в новой книжке стихов Ахмата Кубанова «Встреча», говорят о том, что поэтом осознано нечто очень важное, самая суть жизни и человеческого характера и основа их взаимосвязи: неодолимая сила жизни заставляет человека страстно любить ее, и чем сильнее человек умеет любить жизнь, тем сильнее радость жизни, тем она ему дороже. Читая стихотворение Кубанова, веришь, что для человека, умеющего так относиться к жизни и живущего или прожившего с такой полнотой, смерть действительно не страшна.

А. Кубанов выпустил лишь вторую «тоненькую книжку». Но ценная черта его поэзии обозначилась уже теперь, это — верность жизни.

Главная беда литературной посредственности — поверхностное восприятие действительности. Сердце такого писателя никогда по-настоящему не болело и по-настоящему не радовалось. И нет никакой возможности скрыть в произведении, что у этого автора не было своей, волнующей его темы, не было сюжета; он мучительно искал, «о чем бы еще написать?», насилывал себя. В лучших стихотворениях Кубанова замечательна именно искренность поэта, реальность чувств, создающие эмоциональную впечатляемость произведения. Радости и печаль его правдивы.

Насилия царского я не видел,
В тело мое железная окова не

врезалась,
Не знаком я с учением эфенди.
Его ядовитые прутья меня не коснулись.

Богачи, князья, надев на меня поводья,
Не запрягали, не знаю я их.
Радуюсь, горжусь народом своим
Я, свободно растущий сын Советов.

(«Отплачу я свой долг»)

Тема «старого» и «нового» времени, которую поэты пытались раскрыть посредством прямого их противопоставления, долго оставалась самой популярной в карачаевской поэзии. А. Кубанов выразил ее по-своему просто и непосредственно. А вот как изображаются им его горестные переживания:

Вот так, как ты, и я плачу,
И я причитаю без передышки,
Выгнать печаль никак не могу —
Она пришла и вошла не спросясь.

(«Кубань»)

Ахмат Кубанов хорошо понимает многогранность, противоречивость жизненных явлений и человеческих характеров. Один из путей к значительной поэзии с неизбежностью начинается отсюда. Стихотворение Кубанова «Темной ночью в мою дверь...» по психологической достоверности и тонкости, интонационной организованности, композиционной четкости по большому счету можно назвать зрелым.

Темной ночью в мою дверь
Постучался кто-то тихо,
«Иди, войди», — сказал я, и вошло
Черное горе тайно (скрываясь).
Когда я от этой печали помешанную

голову

Не мог оторвать (поднять),
Спозаранок в ту же дверь
Стук раздался точно так же.
«Кто ты там, убирайся!» — сказал

я,

Не двигаясь с места.
Потом узнал, что счастье свое
Упустил я из рук.

Здесь нет и следа голой
дидактики, преподнесения читателю
азбучных истин под видом
нравственного воспитания. И стихо-
творение завладевает нами.

Поэт не изрекает нравоучения, а
делится с читателем своими чувствами,
опытом и дает ему пищу для
размышлений: исправить свой неверный
поступок и впредь избежать ошибки —
не простая задача; одна ошибка зачастую
не похожа на другую; быть (или стать)
выдержанным, терпеливым не легко,
однако человек обязан познавать себя и
учиться управлять своим поведением,
следовательно, — своей жизнью, своим
счастьем. Таковы мысли и настроения,
вызываемые стихотворением А.
Кубанова.

Тема самовоспитания человека
постоянно волнует А. Кубанова. Мысль о
необходимости доброты особенно дорога
ему. Вот, к примеру, стихотворение
«Ошибка».

Хромая овца, измученная
болезнью ноги, стоит печальная в
окружении «товарищей», которые тоже
переживают, не зная, чем ей помочь. В
это время «молодая барашка» шла,
упираясь в землю мордочкой, и
споткнулась об (эту) овцу. В сердце и без
того страдающей старой овцы загорелся
«огонь злости». Она «в сердцах ударила
барашку и опрокинула наземь». Но, толь-
ко потом заметив, что барашка слепая,
старая овца «то место, по которому
ударила, бросилась лизать языком».

Зло не всегда совершается
сознательно; нечуткость причиняет
страдания не только другим, но и тебе
самому.

В стихотворениях Кубанова
своеобразно раскрыт ряд других
«вечных» тем: пишет он о страстном
ожидании счастья, о том, как оно может
прийти, в чем оно заключается и т. д.
(«Месяцы, дни проходят...»), поэт
разоблачает стяжательство, скупость,
жестокость («Старый садовод»),
хвастовство, самомнение, жажду славы
(«Желая напоить солнце...»). Один из
самых отвратительных человеческих
пороков — двуличие — с негодованием
исхлестан в стихотворении
«Двуличный».

Некоторые стихотворения поэта,
интересные, по идейному содержанию,
выразительные по художественному
строю, портят неудачные, недодуманные,
что ли, концовки.

В стихотворении «Гнездо
горного орла...» прославляются такие
неоценимые человеческие качества,
как свободолюбие, гордая непокорность,
несгибаемость духа.

В отсутствие горного орла молния
сожгла его гнездо. «Если не спустишься
ниже, вот так тебе будет всегда, — огнем
написала она на скале». Горный орел, не
думая о своем горе, «прежде проклял»
вражью натуру, искалечившую грудь ни
в чем не повинной скалы. Затем «еще
выше, чем прежде, прорезав тучи,
взвился».

И дальше логическое развитие
мысли стихотворения, образы его вполне
отвечают законам эстетического
восприятия и изображения мира.

Глядя вслед орлу, горюет скала, на
которой было его гнездо; на груди скалы
гнездо орла осталось, «дымясь, как
свежая пулевая рана». «Словно удар горы
о гору» страшной силы злые крики
понеслись вслед за орлом, но он уходил
все выше и выше. Молния не может
понять, перенести гордость «этого
маленького существа». Она все же
настигла его — усталого — и убила
своим огнем.

А в конце стихотворения труп
горного орла пожирают какие-то
ползучие твари. В чем смысл такой
концовки?

Маленький горный орел, невзирая на могущество молнии, восстает против насилия, ее бессмысленной злой темной силы. Ясно, что в такой борьбе не всегда побеждает правда, но, хоть умирает тело, душа, сердце борца остаются свободными, побеждает дух, величие правды. В стихотворении А. Кубанова отчетливо проведена такая идея, и гибель орла оправдана. Однако по концовке стихотворения вместо идеи: «гордый, хоть и погиб, но победил» получается, что он «стал, пищей для тех, кто питается мертвечиной». Подобным отсутствием идейно-художественной цельности страдает стихотворение «Гибель цветка».

Цветок, который поселился у подножия гор в надежде на их защиту, прикрытие, погибает, раздавленный камнем, сорвавшимся с горы.

Какова идея стихотворения? Горы оказались предателями? Но они не «сбросили» камень «сознательно». Если предположить, что цветок ошибочно выбрал место поселения, получается, что у подножия гор вообще нет жизни ничему! Если же считать, что цветок стал жертвой бессмысленной злой силы, то возникает мысль о фатальной неизбежности торжества зла. Мысль, с которой, конечно, согласиться невозможно. Или цветок осуждается за слабость? Но в той ситуации, в которой он оказался, борьба или даже возможность сопротивления исключена. Даже намек на такую возможность в стихотворении нет (разумеется, мы далеки от требования ее прямолинейного высказывания).

Есть у А. Кубанова банальные по мысли стихотворения («Яблонька», «Приходят, уходят...», «В сумрачном тесном домике...», «Воспоминания о Лермонтове»). Причем первые два стихотворения оригинальны по строфике, размеру, рифме, но и это не спасло их.

Стихотворения «Отплачу я свой долг», за исключением двух первых строф, «Ленину», кроме 3-й и 4-й строф, «В горах», «Пойте, друзья!» — риторические декларации. К примеру, есть такая строфа, напечатанная на

первой странице книжки:

Если понадобится, Отечество мое,
ради

тебя

Потерплю, когда и огонь будет
пылать в

моем теле.

Если не будет другой
возможности,

Долг свой кровью сердца отплачу.

Конечно, намерение прекрасное, но нам приходится верить автору на слово — художественного воплощения мысли здесь нет. Порой не хватает штриха, чтобы образ стал живым, впечатляющим. Для наглядности приведем маленький пример. В двух стихотворениях А. Кубанова есть образы, основанные на одном и том же слове «лед». В обоих случаях поэт говорит о своем идеале поэзии. Первый образ:

Загорись (гори) и растопи
Синие льды печали (тревог)

Второй:

Чтобы дыханием растопила
(поэзия —

Н. Б.)

льды.

В первом случае мы имеем эстетически оправданную, стало быть, впечатляющую метафору; во втором — чрезвычайно банальную. Рядом с ней в этом же стихотворении есть такая строка: поэзия «чтобы озеленила вечные песчаные пустыни». Это — хорошо.

Переселение из первого сборника в новую книжку такого абстрактно-риторического, наивного стихотворения, как «Сердце его обращено к своему народу», озадачивает.

В смысле выразительных возможностей формы — строфических, ритмико-синтаксических, рифмических поисков — в этой книжке поэта есть

успехи, находки. И все же общий уровень нового сборника А. Кубанова оказался ниже того, что мы от него ожидали, судя по его первой заявке и лучшим стихотворениям этой книги. Последних в ней гораздо меньше остальных, в той или иной степени не дотягивающих до них, а то и просто слабых.

Мелкотемье — вот что наносит урон поэзии Кубанова. Создается впечатление, что временами поэт испытывает нужду в жизненном материале, что он уже исчерпывает запас прежних наблюдений. Отсюда грозит одаренному и думающему поэту А. Кубанову серьезнейшая опасность. Он медленно растет.

У Ахмата есть такие строки:

Будь осторожен,— говоришь перу,
Когда оно скользит по белой
бумаге.

Будь таким, чтобы потом

И сам не сожалел о том, что
написал...

*(«Будь
осторожен,— говоришь...»)*

— Будь осторожен! — хочется просить Ахмата,— чтобы брешь, пробитая сейчас чем-то между жизнью и тобою, не ширилась, не размывалась бы дальше, была бы вовремя заделана и устранена.

НИНА БАЙРАМУКОВА.